

1000 - 1399 ГОДЫ ЛОР ВЕЛИКОЙ ТАРТАРИИ И СЕПТИМОВ

Дамир Янсуфин

**1000 - 1399 годы. Лор
великой тартарии и септимов**

«Автор»

2026

Янсуфин Д.

1000 - 1399 годы. Лор великой тартарии и септимов /
Д. Янсуфин — «Автор», 2026

О чём этот лор
Перед вами — фундамент альтернативной истории, в которой Восточная Римская империя не умерла окончательно, а дала росток в самом неожиданном месте. Это история о том, как опальный византийский легат ушёл на восток и основал державу, пережившую монгольское нашествие, усобицы и эпидемии, чтобы стать крупнейшей империей Евразии. Жанр — историческое фэнтези без магии. В этом мире нет колдовства, драконов и эльфов. Есть политика, вера, армии, реформы, предательства и династические браки. Чудеса здесь — это выдержка, расчёт и воля правителей, которые иногда ошибаются, иногда терпят крах, но продолжают вести свой род сквозь века. Этот лор — хроника династии Септимов с момента основания Града Тобольского до кануна великих потрясений.

© Янсуфин Д., 2026

© Автор, 2026

Дамир Янсуфин

1000 - 1399 годы. Лор

великой тартарии и септимов

Великая Тартария: Пролог (954 – 1399)

О чём этот лор

Перед вами — фундамент альтернативной истории, в которой Восточная Римская империя не умерла окончательно, а дала росток в самом неожиданном месте. Это история о том, как опальный византийский легат ушёл на восток и основал державу, пережившую монгольское нашествие, усобицы и эпидемии, чтобы стать крупнейшей империей Евразии.

Жанр — **историческое фэнтези без магии**. В этом мире нет колдовства, драконов и эльфов. Есть политика, вера, армии, реформы, предательства и династические браки. Чудеса здесь — это выдержка, расчёт и воля правителей, которые иногда ошибаются, иногда терпят крах, но продолжают вести свой род сквозь века.

Этот лор — хроника династии Септимов с момента основания Града Тобольского до кануна великих потрясений.

Что внутри

Пять веков правления одного рода.

С 954 по 1399 год на престоле сменился двадцать один царь и царица. Каждый из них — живой человек со своими достоинствами и пороками:

Тайбер Основатель (954–1038) — византийский легат-отступник, положивший начало державе на берегах Тобола. Он взял унижительную кличку «Тартария» и превратил её в имя империи.

Кинтайра I Железная Госпожа (1041–1053) — первая женщина на троне, мечом доказавшая право править.

Пелагиус I Архитектор (1038–1041) — кабинетный политик, создавший первые государственные институты.

Уриэль I Строитель (1053–1064) — перенёс столицу на новое место и построил Новый Тобольск.

Уриэль II Миротворец (1064–1082) — примирил лес и степь после гражданской смуты.

Пелагиус II Безумный (1082–1099) — «Степной Волк», раздвинувший границы до Хорезма и Мурوما, но опустошивший казну и души.

Антиохус Благословенный (1099–1119) — реставратор, залечивший раны двадцатью годами мира.

Кинтайра II Мученица (1120–1121) — царица, погибшая в огне вместе с малолетним наследником.

Уриэль III Узурпатор (1121–1127) — победитель Войны Красного Алмаза, павший жертвой брата-отравителя.

Цефорус I Мудрый (1127–1140) — создатель Судебника и лествичного права.

Магнус Нерадивый (1140–1145) — варяг-чужак, едва не погубивший державу.

Пелагиус III Безумный (1145–1153) — «Тобольский Зверь», восемь лет террора.

Катария Великая (1153–1200) — «Мать Отечества», сорок семь лет мира и возрождения.

Кассиндер Тень (1200–1202) — слабоумный внук Катарины, полтора года безвременья.

Уриэль IV Железный Старец (1202–1246) — сорок четыре года стража на рубежах, встреча с Чингисханом, сохранение независимости в эпоху монгольского нашествия.

Цефорус II Монгольский Зять (1246–1268) — союзник Золотой Орды, обогативший Тартарию транзитной торговлей.

Морихата Чужой (1317–1339) — первый император с монгольским именем, едва не растворивший идентичность.

Пелагиус IV Царь (1339–1368) — «Солнце Тобольска», возродитель православия и независимости.

Уриэль VII Благочестивый (1368–1399) — «Хранитель Веры», завершивший христианизацию и укрепивший трон.

Десятки битв и три гражданских войны.

Война Красного Алмаза, террор Безумного Пелагиуса, походы в Акавир — империя не раз стояла на краю гибели и каждый раз возрождалась.

Сложные отношения с соседями.

Византия, Русь, половцы, болгары, Золотая Орда, Монгольская империя, казахские ханы — Тартария веками лавировала между великими державами, где-то воюя, где-то платя дань, где-то заключая династические браки.

Экономика, законы, культура.

От налоговой системы Пелагиуса I до монетной реформы Дмитрия I. От устных сказаний до Тобольской летописи. От деревянного острога до каменного Софийского собора. От родоплеменного ополчения до регулярной «Государевой Тысячи».

Почему это важно для дальнейшей истории

1399 год — точка перелома. На престол восходит **Дмитрий I Тихий Гений** — первый царь со славянским именем, реформатор и строитель. С него начинается эпоха модернизации, экспансии и превращения Тартарии в глобальную державу.

Всё, что было построено за пять веков — армия, законы, вера, династическая легитимность, национальная идея, — станет фундаментом для нового рывка. Впереди: Казахская кампания, выход к Тихому океану, основание Беренгии, религиозные смуты и великие реформы.

Этот лор — пролог к большому полотну. К альтернативной истории, в которой Сибирь стала центром мира, а династия Септимов — одной из величайших в истории человечества.

Для кого этот текст

Для тех, кто любит:

Альтернативную историю без магии, но с размахом эпического фэнтези.

Династические хроники в духе «Песни Льда и Пламени».

Государственное строительство и политические интриги.

Детально проработанные миры, где за каждой реформой стоит конкретный правитель со своим характером и судьбой.

Добро пожаловать в Великую Тартарию.

Источники вдохновения и метод

Эта история построена на стыке реального и вымышленного. В её основе — исторические события, карты и хроники, но автор свободно смешивает их с мирами компьютерных игр и фэнтези-вселенных.

Что взято из реальной истории:

География: Тобольск, Иртыш, Урал, Сибирь, Казахские степи, Охотское море, Аляска (Беренгия).

Исторические фигуры и события: Византия, Золотая Орда, Чингисхан, Батый, карта Фра Мауро, монгольские завоевания, Великие географические открытия.

Что пришло из игр и вымышленных миров:

Династия Септимов и её имя — отсылка к The Elder Scrolls (династия Септимов в Сиро-диле).

Название «Мифический Рассвет» — прямая отсылка к культу Mythic Dawn из Oblivion.

Эстетика Тобольска как Имперского Города — собирательный образ из фэнтезийных RPG.

Культурный микс народов (степняки, лесные племена, потомки римлян) — построен по принципу игровых рас, но переведён в плоскость реальных этносов.

Суть метода:

Автор берёт реальную историческую канву и «дорисовывает» её, вплетая в неё вымышленные государства, династии и события. Тартария, существовавшая на старых картах как мифическая территория, здесь становится полноценной империей. Реальные народы и культуры смешиваются, образуя нечто новое — подобно тому, как это происходит в мирах The Elder Scrolls, Dragon Age или Kingdom Come: Deliverance, но с опорой на сибирский и евразийский материал.

Это не фэнтези в привычном смысле — здесь нет магии. Это **историческое фэнтези без магии**, где чудо — это выживание династии на протяжении пяти веков, а магия — это политическая воля, дипломатия и реформы.

Книга I. Ромей

Глава 1. Септимы

Фамилия, которую мальчик носил с гордостью, которую позже он сделает символом империи, была старше христианского Константинополя. Она родилась не в Византии — а в Риме, в те времена, когда Вечный Город ещё не знал креста, но уже носил на плечах пурпур цезарей.

Род Септимов — или, как их называли в старых латинских свитках, *Septimii* — происходил из Африки, из знойного Лептис-Магны, где пески Сахары встречаются со Средиземным морем. Их кровь была смешением трёх стихий: финикийской деловой хватки, берберской выносливости и римской дисциплины. Они не были патрициями древнейших родов, кичившихся происхождением от Энея. Они были всадниками, людьми дела, богатеями на торговле оливковым маслом и командовавшими гарнизонами в самых гиблых провинциях.

В 193 году от Рождества Христова один из них совершил невозможное. Луций Септимий Север, легат Паннонии, чернобородый гигант с пронзительными глазами, надел пурпур после кровавого года пяти императоров. Его назовут основателем династии Северов. Он был безжалостен к врагам и щедр к солдатам. Он расширил Империю до Месопотамии, укрепил вал Адриана и умер в Йорке, в далёкой Британии, оставив сыновьям завет, начертанный на смертном одре: «Живите дружно, обогащайте солдат и плюйте на всех остальных».

Сыновья не послушались. Каракалла убил Гету. Каракалла убил собственный страж. Через несколько десятилетий династия Северов пресеклась — в мужской линии. Но Септимии не исчезли. Младшие ветви, кузены и племянники, отошли в тень, переживая смуты Тре-

тьего века. Они расселились по провинциям, вступали в браки с греческими, иллирийскими и сирийскими семьями. Они больше не носили пурпур, но хранили память.

Когда Константин Великий перенёс столицу на Босфор, одна из этих ветвей последовала за ним. Септимии стали ромеями — но не забыли, кем были. В их доме, в тихом квартале Константинополя близ стен Феодосия, хранился древний свиток с генеалогией, восходившей к самому Северу. Мальчику, родившемуся в 954 году, показывали его с ранних лет.

Отец, Феодор Септим, был военным трибуном — прямой, суровый человек, пропахший кожей доспеха и ладаном. Он командовал тагмой, элитным полком, расквартированным в столице. В его жилах текла та самая африканская кровь, но разбавленная веками греческих и фракийских браков. От далёкого предка он унаследовал пронзительный взгляд и несгибаемую волю. От матери-гречанки — изысканность речи и любовь к порядку.

Мать, Елена, была чистокровной ромейкой из каппадокийской знати. Её род славился богословами и писцами. Она научила сына читать по-гречески раньше, чем он научился держать меч. Она рассказывала ему истории — не сказки, а семейные предания. О Севере, который спал на голой земле. О Каракалле, который строил термы. О тех временах, когда имя Септимов заставляло трепетать мир.

Мальчика называли Тиберием. Тиберий Септим. Имя звучало по-латински гордо, как звук меча, входящего в ножны.

С детства он впитывал двойное наследие. С одной стороны — военная кость, римская дисциплина, память о том, что его предки повелевали легионами и возводили императоров. С другой — греческая учёность, православная вера, сознание того, что он — ромей, гражданин Второго Рима, оплота истинного христианства.

Но была в этой двойственности и трещина. Византия X века была велика, но не вечна. Её сотрясали дворцовые перевороты, её границы трескали под ударами болгар и арабов. Провинциальная знать боролась со столичной бюрократией. Военные императоры сменяли штатских, чтобы через поколение уступить место новым узурпаторам. В такой империи человек с римской фамилией и военным талантом был либо благословением, либо угрозой. Либо мечом в руке василевса. Либо кандидатом на плаху.

Феодор Септим понимал это. Он учил сына не только фехтованию и тактике, но и осторожности. «В Палатии, — говорил он, имея в виду императорский дворец, — у стен есть уши, а у ушей — кинжалы. Служи. Не болтай. Не выделяйся».

Тиберий слушал. Но в глубине его тёмных, глубоко посаженных глаз уже тогда горел огонь, которого отец не замечал — или предпочитал не замечать. Огонь человека, который не хочет быть просто трибуном. Который помнит, что его имя носил цезарь.

Ему было десять лет, когда он впервые спросил у матери:

— Почему мы зовёмся Септимами, а не Септимиями?

Мать погладила его по голове и ответила:

— Язык меняется, дитя. Империя меняется. Мы — греки, но мы — римляне. Мы — Септимы. Это звучит так же гордо. И когда-нибудь, возможно, это имя будет значить не меньше, чем в древности.

Она не знала, насколько пророческими окажутся её слова.

Книга I. Ромей

Глава 2. Двор и Тень

К пятнадцати годам Тиберий Септим перерос отца на полголовы. Он был широк в плечах, узок в талии, с резкими чертами лица, доставшимися от африканских предков, и бледной кожей матери-каппадокийки. В толпе константинопольских юношей он выделялся не только ростом, но и взглядом — тёмным, внимательным, ничего не упускающим.

Отец определил его в школу — военную академию при императорском дворце. Там обучали сыновей лучших семей Империи: тактике, стратегии, риторике, праву. Но главным пред-

метом была лояльность. Схола готовила не просто офицеров — она готовила будущих стратегигов и друнгариев, людей, которым василевс доверит армию. И, следовательно, свою жизнь.

Тиберий учился жадно. Древние авторы — Вегетий, Фронтин, Полибий — были его собеседниками в долгие ночи. Но ещё больше, чем книги, его учил сам Константинополь.

Город был вселенной. Миллион душ теснился за стенами Феодосия. На форуме Быка торговали рабами и пряностями. В порту Феодосия разгружали амфоры с критским вином и кипрским маслом. В лавках на Месе продавали шёлк, который ромеи научились делать сами, выкрыв секрет у китайцев. А над всем этим возвышался купол Святой Софии — золотой, парящий, невозможный. Когда Тиберий впервые вошёл под его своды, он почувствовал то, что чувствовали послы варваров: здесь обитает Бог.

Но у Бога на земле был наместник. И этот наместник сидел в Палатии, лабиринте мраморных залов, где воздух был пропитан ароматом розового масла и страха.

Василевс Роман II был молод, красив и ленив. Он взошёл на трон в 959 году, после смерти великого Константина Багрянородного, и предпочитал государственным делам охоту и пиры. Реальная власть сосредоточилась в руках евнуха Иосифа Вринги — хитрого, жестокого и подозрительного человека, который правил от имени императора, но думал только о себе.

Феодор Септим, старый трибун, презирал Врингу. Он говорил сыну: «Евнухи не должны править мужами. Они не проливали кровь за Империю. Они не знают, чего стоит одна миля границы». Но говорил он это только дома, шёпотом, предварительно закрыв двери.

Тиберий слушал. И запоминал.

В 963 году всё изменилось. Роман II внезапно умер — одни говорили, от лихорадки, другие шептались о яде. На престол взошли его малолетние сыновья, Василий и Константин, но править они не могли. Регентом при них стал всё тот же Вринга.

А потом в столицу вошёл Никифор Фока.

Это был не придворный, а воин. Суровый, аскетичный, прошедший всю жизнь в походах против арабов. Солдаты его обожали. Народ — уважал. Вринга — ненавидел и боялся. Когда армия провозгласила Никифора императором, Вринга попытался закрыть перед ним ворота. Но Константинополь открыл их сам. Толпа на улицах кричала: «Фока! Фока!»

Феодор Септим был среди тех, кто поддержал Никифора. Он знал его лично — они вместе воевали на восточных рубежах. И когда новый василевс вошёл в Палатий, старый трибун привёл к нему своего сына.

— Мой Тиберий, — сказал он. — Служит в школе. Способен. Верен.

Никифор, высокий, жилистый, с проседью в тёмной бороде, оглядел юношу. Что-то в этом взгляде — спокойном, твёрдом, без тени подобострастия — ему понравилось.

— Посмотрим, — сказал он. — Пошли его на восток. Пусть понюхает порох.

Так Тиберий Септим в семнадцать лет отправился на войну.

Это была не парадная кампания. Он попал в фему Месопотамия, на границу с Хамданидами. Там, в выжженных солнцем предгорьях Тавра, он впервые увидел смерть — не на арене, не в учебном бою, а настоящую, грязную, воняющую кровью и кишками. Он видел, как арабская конница прорывает строй skutatov. Видел, как его товарищи падают с пробитыми щитами. Видел, как старый центурион, ветеран двадцати кампаний, плачет, держа в руках отрубленную кисть.

Тиберий не плакал. Он сражался. Хладнокровно, расчётливо, умело — так, как учил отец. В первом же бою он спас знамя тагмы, вырвав его из рук павшего знаменосца и удержав строй. Во втором — возглавил контратаку, когда командир был ранен.

К двадцати годам он уже командовал центурией. К двадцати трём — когортой. Солдаты его уважали. Офицеры — замечали. Он был не просто храбр. Он умел говорить. Его речи перед боем — короткие, резкие, без риторических украшений — заставляли людей расправлять плечи. В его словах была странная сила. Не магия — но что-то близкое. Убеждение, граничащее с гипнозом.

В армии его прозвали «Голос». Пока — с уважением.

В 969 году Никифор Фока был убит. Его племянник, Иоанн Цимисхий, заговорщик и любовник императрицы, пробрался в спальню василевса с мечом. Говорили, что тело Никифора выбросили в окно. Говорили, что Цимисхий лично отсек ему голову.

Тиберий был в Антиохии, когда пришла весть. Он ничего не сказал. Но в тот день он впервые подумал: «Вот она, Византия. Императоров режут в постелях. Евнухи торгуют тронem. Воины гибнут на границах, пока придворные делят шёлк».

Цимисхий, впрочем, был неплохим императором. Он продолжил войны на востоке и дал Тиберию новое звание — трибун. Тот самый чин, который носил его отец. Феодор к тому времени уже умер — тихо, в своей постели, от лихорадки. Тиберий не успел проститься.

Оставшись один, без отца, без покровителя, он понял: теперь его судьба зависит только от него самого. И от того, насколько хорошо он научится играть в игру, в которую играют в Палатии.

В 976 году Цимисхий умер. Трон заняли повзрослевшие сыновья Романа — Василий и Константин. Но реальная власть снова ушла в руки теней. Василий был молод, подозрителен и жесток. При нём двор разделился на партии. Доносы стали валютой. Верность — товаром.

Тиберий Септим, тридцатидвухлетний трибун, герой восточных кампаний, въехал в Константинополь как победитель. Его встречали аплодисментами на форуме. Его имя знали в казармах. Его «Голос» стал легендой.

Именно это его и погубило.

Книга I. Ромей

Глава 3. Золотая клетка

К 975 году Тиберий Септим занимал должность, о которой его отец не смел и мечтать — легат императорской гвардии, командующий тагмой схол. Это был один из высших военных постов в Империи. Он отвечал за безопасность самого василевса. Он входил в Золотую Палату без доклада. Он стоял по правую руку от трона.

И он был глубоко, безнадежно несчастен.

Константинополь душил его. После простора восточных фем, после честной грязи пограничных крепостей, после ночёвок под звёздами в обществе воинов, пахнущих конским потом и железом, — двор казался ему выгребной ямой, присыпанной розовыми лепестками. Здесь всё решалось не мечом, а шёпотом. Не мужеством, а родством. Не заслугами, а умением вовремя поднести евнуху нужный свиток с нужной печатью.

Он наблюдал за молодым василевсом Василием и не мог понять, что за человек сидит перед ним. Василий был скрытен, переменчив, то предавался благочестию до самобичевания, то приказывал ослепить десяток пленных без всякой вины. Он не доверял никому — и в первую очередь тем, кто был слишком талантлив.

Тиберий был слишком талантлив.

Его любили солдаты. Его уважали стратиги восточных фем. Его имя пели в казармах. В любой нормальной империи это считалось бы достоинством. В Византии X века это считалось уликой.

Вринга, старый евнух, переживший трёх императоров, первым насторожился. Однажды он вызвал Тиберия к себе — не в присутственное место, а в личные покои, где стены были обиты пурпурным шёлком, а в воздухе плавал сладковатый дым аравийских благовоний.

— Ты популярен, трибун, — сказал евнух, перебирая чётки. — Популяреннее, чем полезно.

— Я служу Империи, — ответил Тиберий.

— Разумеется. Все служат Империи. Но одни служат ей мечом, а другие — пониманием того, когда меч следует убрать в ножны. Ты не убираешь. Ты слишком заметен. Василий... замечает.

Это было предупреждение. Тиберий понял его, но не принял. Он был воином, а не придворным. Он не умел кланяться теньям.

В 976 году всё рухнуло.

Василий, возомнивший себя великим полководцем, решил лично возглавить поход против болгар. Тиберий был назначен командовать левым крылом. Перед битвой, на военном совете, он позволил себе возразить императору. Он сказал, что позиция выбрана неудачно, что болгары ждут атаки именно там, где Василий хочет нанести главный удар, что нужно отступить на день и выбрать другую точку.

Василий выслушал. Кивнул. И ничего не изменил.

Битва при Траяновых Вратах обернулась катастрофой. Армия была разгромлена. Император едва спасся бегством. Тысячи солдат остались лежать в горных теснинах.

Тиберий со своей тагмой прикрывал отход. Он дрался как лев, вывел остатки войска из окружения и спас знамя. Но когда уцелевшие вернулись в Константинополь, Василий не встретил их как героев. Он искал виноватых.

И лучше виноватого, чем легат, предупреждавший о катастрофе и оказавшийся правым, найти было трудно.

Следующие два года Тиберий провёл в опале. Его не казнили — пока не за что. Но его отстранили от командования. Его вызовы во дворец прекратились. Его имя перестали упоминать в приказах. Он сидел в отцовском доме, у городской стены, и смотрел, как осыпается его жизнь.

В эти месяцы он много думал. О Риме. О предках. О том, кем стали Септимы — прислужниками вырождающейся империи, которая казнит лучших и награждает льстецов. Он думал о судьбе Велизария, гениального полководца, которого Юстиниан ослепил и пустил по миру. Думал о Никифоре Фоке, которого убили в постели. Думал об отце, который всю жизнь служил честно и умер в неизвестности.

Византия пожирала своих сыновей. Тиберий не хотел быть съеденным.

В 978 году при дворе появился новый человек — монах Феофилакт, духовник императора. Он был сух, аскетичен и обладал даром говорить так, что даже ложь звучала как истина. Именно он нашёл способ окончательно уничтожить Тиберия.

Он вспомнил о прозвище, которое дали трибуну солдаты. «Голос». Началось с шуток. «Почему его так называют?» — спрашивал Феофилакт за трапезой у кого-нибудь из придворных. «Он говорит — и люди делают. Он приказывает — и враги бегут». Монах кивал, задумчиво тёр подбородок и больше ничего не говорил. Но через месяц при дворе уже шептались: «Говорят, он колдун. Его голос — не от Бога. Он заговаривает солдат. Он предсказал разгром при Траяновых Вратах — значит, он и навёл его».

Тиберий узнал об этом поздно. Слишком поздно, чтобы остановить.

Однажды утром к его дому подошёл отряд экскувиторов — дворцовой стражи. Их командир, старый сослуживец Тиберия, отводил глаза.

— Трибун, — сказал он. — Приказ василевса. Ты должен пройти с нами.

— В чём обвинение?

— В колдовстве и оскорблении величества.

Тиберий рассмеялся. Это был смех человека, который всё понял. Он не стал сопротивляться. Он надел чистый плащ, взял отцовский меч — не для боя, для чести — и вышел.

Суда не было. Его бросили в подвалы Палатия, в камеру без окон, где он провёл три недели. Никто не пытал его. С ним вообще не разговаривали. Это была пытка неизвестностью, пытка ожиданием — византийский метод. На двадцать первый день дверь открылась. Вошёл Вринга.

— Ты ещё жив, трибун, — сказал он. — Не ожидал.

Тиберий ничего не ответил.

— Император колеблется. Одни советуют ослепить тебя. Другие — четвертовать. Но я пришёл не поэтому. — Евнух присел на корточки рядом с ним. — Ты знаешь, почему ты здесь? Не потому, что ты колдун. Василий не верит в колдовство. Ты здесь, потому что ты — Септим. Потому что твоё имя звучит громче, чем имя василевса в армии. Потому что ты посмел быть правым, когда император ошибался. Этого не прощают.

— Что тебе нужно?

— Мне? Ничего. Я старый человек. Но Империи нужно, чтобы ты исчез. Не умер — смерть сделает тебя мучеником. А исчез. Ушёл. Бежал, как трус. Тогда никто не будет петь о тебе песен. Тогда солдаты забудут твой проклятый голос.

Тиберий долго молчал. Потом поднял глаза.

— Дай мне корабль. И людей. Тех, кто захочет уйти со мной.

Вринга улыбнулся. Это была улыбка человека, который всё рассчитал.

— У тебя есть неделя. Собери своих. И уплывай на север. В земли, откуда не возвращаются.

Так закончилась римская глава жизни Тиберия Септима. И началась другая.

Книга II. Изгнанник

Глава 1. Море

Корабль был неказист. Торговый дромон с потрёпанным парусом, пропахший тузлуком и дешёвым маслом, он когда-то возил зерно из Херсонеса в Константинополь. Теперь он должен был везти людей, которым не осталось места в Империи.

Тиберий стоял на корме, глядя, как уменьшается город. Собор Святой Софии ещё был виден — золотой купол, плывущий над утренней дымкой, словно солнце, упавшее в море. Рядом с ним стояли те, кто решил уйти. Их было немного: тридцать семь человек. Ветераны его тагмы, несколько младших офицеров, двое писцов-греков, отказавшихся служить доносчикам, и горстка слуг.

Женщин не было. Тиберий запретил брать семьи. «Там, куда мы идём, — сказал он, — нас может ждать смерть. Или хуже. Те, у кого есть жёны и дети, остаются. Клянусь, я не сочту это трусостью». Пятеро ушли. Тридцать семь остались.

Они смотрели на своего командира. Он был спокоен. Никто не видел, как прошлой ночью, в последний раз проходя по улицам Константинополя, он остановился у отчего дома. Окна были темны. Дом уже не принадлежал ему — казна конфисковала имущество государ-

ственного преступника. Он коснулся рукой старого камня, из которого была сложена стена. Этот камень помнил его отца, деда, прадеда — всех Септимов, живших здесь с четвёртого века. Теперь здесь будут жить чужие люди, которые даже не узнают, что такое имя носила эта земля. Он ничего не сказал. Просто повернулся и ушёл в порт.

Чёрное море встретило их осенними штормами. Дромон швыряло, как щепку. Солдаты, привычные к твёрдой земле, лежали пластом, молясь кто Богу, кто случаю. Тиберий не молился. Он стоял у рулевого весла, помогая кормчему — старому греку, который, казалось, родился в море и умрёт в нём же.

— Куда держим курс, стратег? — спросил кормчий однажды ночью, когда небо очистилось и звёзды отразились в чёрной воде.

Тиберий долго смотрел на север. Там, за горизонтом, лежали земли, которые ромеи называли Скифией, а их картографы обозначали одним словом: «Tartarus» — преисподняя, место холода и тьмы, где кончается цивилизация. Он вспомнил, как в детстве рассматривал старые карты в отцовском кабинете. Там, за Дунаем и Днепром, были нарисованы чудовища с песьими головами и люди без ртов, питающиеся запахом жареного мяса. Край света.

— На север, — ответил он. — К устью Днепра.

Кормчий кивнул. Он не спрашивал, зачем. Ему платили.

Через две недели они вошли в Днепровский лиман. Берега были низкими, заросшими камышом. Вдалеке поднимались дымы — там жили люди, но какие, Тиберий не знал. Он приказал разбить лагерь на берегу.

Здесь, у кромки неведомого мира, он впервые собрал свой отряд.

— Мы больше не ромеи, — сказал он. — Империя изгнала нас. Мы не вернёмся в Константинополь. Мы не увидим его стен. Мы умрём не в мраморных гробницах, а в земле, которую ещё предстоит назвать своей. Но мы не разбойники. Мы не беглецы. Мы — основатели. Идите за мной — и ваши дети будут жить в государстве, которого ещё нет на картах.

Солдаты слушали молча. Они знали его голос. Они верили ему. И они пошли.

Путь на северо-восток занял почти два года. Это был ад. Они шли через Дикое Поле — бескрайнюю степь, где ветер сбивал с ног, а горизонт не менялся неделями. Их преследовали печенеги. Они теряли людей в стычках и от болезней. Однажды, переправляясь через Дон, они потеряли половину припасов. В другой раз — трёх человек, уведенных в полон ночным набегом.

Тиберий шёл первым. Он не требовал от людей того, чего не делал сам. Когда кончилась еда, он отдал свою долю больному. Когда пала лошадь, он шёл пешком наравне с остальными. Он хоронил павших сам, своими руками, и читал над ними молитву, которой научила его мать.

К концу второго года их осталось двадцать четыре человека. Из тридцати семи.

Но они прошли.

Весной 982 года отряд Тиберия достиг берега широкой реки, которую местные называли Тобол. Она была полноводна, чиста и несла свои воды на север, к могучей реке Иртыш. На высоком мысу, где Тобол впадал в Иртыш, Тиберий остановился.

Он долго стоял на краю обрыва, глядя, как солнце садится за бескрайнюю тайгу на том берегу. Ветер трепал его плащ. Где-то внизу шумела вода. Пахло хвоей, речной свежестью и чем-то ещё — чем-то, чего он никогда не чувствовал раньше. Возможно, так пахнет свобода.

Солдаты ждали. Они видели, как их командир вынул меч из ножен. Тот самый меч, с которым он прошёл через Антиохию, Траяновы Врата и Дикое Поле. Спату — длинный прямой клинок римского образца, потемневший от времени и крови.

Тиберий положил меч на землю перед собой. Горизонтально.

— Здесь, — сказал он.

Одно слово. Но оно прогремело громче, чем любой указ, подписанный в Палатии.

— Здесь мы стоим. Здесь будет наш город. Наша земля. Наша Твердыня. — Он обвёл рукой горизонт. — Вы знаете, как ромеи называют эти края. Тартар. Преисподняя. Место, где кончается свет. Пусть так. Мы возьмём это имя. Мы наполним его новым смыслом. Мы построим здесь не ад, а царство.

Он поднял меч и указал им на восток.

— Отныне эта земля зовётся Великая Тартария. И мы — её народ.

Так был основан Град Тобольский.

Книга II. Изгнанник

Глава 2. Первая зима

Первый дом будущей столицы был срублен за три дня. Простой сруб из сосновых брёвен, проконопаченный мхом, с земляным полом и очагом, сложенным из речного камня. Ни мрамора, ни мозаик, ни колонн — только дерево, глина и пот. Тиберий сам взялся за топор, и никто из его людей не посмел сидеть сложа руки, видя, как их командир, римский патриций, потомок цезарей, обтёсывает брёвна наравне с простыми солдатами.

К концу лета на мысу стояло шесть изб. Не город — зародыш города. Но у них были стены, был частокол, был амбар для припасов и была часовня, срубленная из тех же сосновых брёвен. В часовне не было иконостаса — только простой деревянный крест, вырезанный одним из писцов, и лампада, заправленная рыбьим жиром. Но когда отец Григорий, бывший полковой священник тагмы, отслужил там первую литургию, многие плакали. Это была первая церковь к востоку от Урала.

Осень наступила внезапно. Лес вспыхнул золотом и багрянцем, а потом осыпался в несколько дней. С севера потянуло холодом — не тем, к которому привыкли ромеи, а иным, пронизывающим до костей, заставляющим кровь стечь в жилах. Местные, из племени остяков, чьи землянки обнаружили разведчики выше по реке, сказали: «Зима будет долгой. Очень долгой. Готовьте дрова. Много дров».

Тиберий слушал. Он вообще умел слушать — этому его научила степь.

Дрова заготовили. Но еды не хватило. Припасы, взятые с корабля, иссякли к середине зимы. Охота в заснеженной тайге была скудной: звери ушли в чашу, птицы — на юг. Рыба в реке ловилась плохо. К середине зимы начался голод. Не тот, что в книгах описывают, — тихий и благородный. А настоящий: тупая, ноющая боль в животе, слабость в мышцах, отёкшие десны и апатия, которая заставляет людей ложиться лицом к стене и не вставать.

Один из ветеранов, старый центурион по имени Констант, умер в феврале. Он просто не проснулся. Его похоронили подо льдом — могилу не вырыть в мёрзлой земле, пришлось опустить тело в прорубь, привязав камень к ногам. Отец Григорий прочитал молитву. Тиберий, стоя у края проруби, сказал: «Он был хорошим солдатом. Он заслужил лучшей могилы». Больше он ничего не добавил. Но в тот же день он собрал людей и сказал им то, что потом вошло в летописи:

— Мы не умрём. Потому что мы уже умерли. Мы умерли для Империи, когда покинули Константинополь. Мы умерли для своих семей, когда выбрали изгнание. Мы — ходячие мертвецы. Но мертвецам нечего бояться. Мы выдержим эту зиму, и следующую, и все зимы, которые будут. Потому что мы — основатели. А основатели не умирают в постелях.

Это был первый раз, когда его голос прозвучал не как голос командира, а как голос пророка. Люди, слушавшие его, расправляли плечи. Они не знали, правда ли это — то, что он говорит. Но они верили.

Зима длилась ещё два месяца. Но никто больше не умер.

Весной пришли местные.

Их было около двух десятков — невысоких, коренастых, с плоскими лицами и раскосыми глазами. Одеты в шкуры, вооружены луками и костяными гарпунами. Они остановились на опушке леса и долго смотрели на незваных гостей, построивших странные деревянные дома на священном мысу.

Солдаты схватились за оружие. Тиберий приказал не стрелять. Он вышел вперёд, без меча, с пустыми руками, и заговорил — на греческом, на латыни, на языке жестов, на каком-то невероятном наречии, которое рождалось прямо сейчас из смеси слов и интонаций. Он не угрожал. Не приказывал. Он предлагал.

Старейшина остяков, седой как лунь, долго молчал. Потом положил на землю связку соболевших шкур. Тиберий поднял шкурку и кивнул. В ответ он протянул старейшине железный топор.

Это был первый договор Тартарии.

Книга II. Изгнанник

Глава 3. Битва Шёпотом

Лето 983 года пришло в эти края внезапно, словно природа торопилась возместить долгие месяцы холода. Тайга загудела от комарья, река разлилась, напоив луга, и на высоком мысу, где зимой стояло шесть почерневших от морозов изб, теперь высился целый посёлок. Новые срубы, рубленные из свежей сосны, ещё истекали смолой. Частокол опоясывал поселение полукольцом. В загоне у реки паслось несколько коз, выменянных у остяков за железные ножи. Жизнь, суровая и скудная, всё же цеплялась за этот берег.

Тиберий стоял у частокола и смотрел на юг. Туда, где степь встречалась с лесом и где, по слухам, принесённым остяцкими охотниками, собиралась большая орда. Кипчаки. Те, кого ромеи называли куманами, а русы — половцами. Они кочевали в этих краях, подчиняя или уничтожая всех, кто пытался осесть на их путях.

Гонец от них прибыл на рассвете — молодой всадник на низкорослом степном коне, с бритой головой и кривой саблей у пояса. Он не спешил. Он смотрел на деревянную крепость с усмешкой, в которой читалось: «И это всё?». Потом бросил на землю пучок стрел, связанных красной тесьмой.

— Хан Котян, — сказал он на ломаном греческом, — требует, чтобы чужаки ушли. У вас десять дней. Если не уйдёте — ваши головы украсят сёдла наших коней.

Тиберий поднял пучок стрел. Развязал тесьму. Вернул одну стрелу гонцу.

— Передай хану: мы не уйдём. Но я предлагаю ему встречу. Только он и я. Без мечей. Без воинов. Пусть степь рассудит нас.

Гонец ускакал. Солдаты за спиной Тиберия молчали. Они не понимали. Их командир, лучший меч Востока, предлагал выйти против степного хана без оружия? Это казалось безумием.

Тиберий не объяснял. Он уже знал: победить кипчаков в бою они не смогут. Их двадцать четыре. Орда насчитывает сотни, если не тысячи. Но степь уважает силу духа. И ещё кое-что, чему он научился за годы командования: слова иногда разят вернее меча.

Встреча состоялась на нейтральной полосе — у одинокого кургана, поросшего ковылём. Хан Котян приехал на белом коне, в окружении телохранителей, которые остановились в отдалении. Это был мужчина лет сорока, широкоплечий, с лицом, изрезанным шрамами, и глазами, в которых светился ум — не книжный, а степной, звериный, оценивающий противника за секунду.

Тиберий вышел один. Без доспеха, в простом хитоне, но с отцовским мечом на поясе. Он шёл медленно, спокойно, словно не на переговоры, а на прогулку. Котян отметил это и чуть заметно кивнул — оценил отсутствие страха.

Два человека стояли друг против друга на вершине кургана. За их спинами, в отдалении, замерли два мира: римский и степной. И никто не знал, сольются ли они в крови или найдут общий язык.

— Ты дерзкий, — сказал Котян. — Мои воины могли бы вырезать твой посёлок за одну ночь.

— Могли бы, — согласился Тиберий. — Но ты этого не сделаешь.

— Почему?

— Потому что ты не хочешь терять воинов. Даже два десятка убитых ослабят твою орду перед лицом других ханов. А ещё потому, что я предлагаю тебе нечто большее, чем горстка отрубленных голов.

— Что ты можешь предложить мне, римлянин?

— Союз. Твои люди — лучшие всадники в степи. Мои — лучшие строители и воины Запада. Вместе мы построим крепость, которая будет контролировать всю реку. Весь торговый путь с севера на юг. Ты получишь оружие, какого нет у твоих врагов. Железо. Доспехи. И долю в торговле.

Котян молчал. Он смотрел на Тиберия долго, изучающе.

— Ты говоришь гладко, римлянин. Но я слышал о тебе. О тебе говорят, что у тебя колдовской голос. Что ты можешь словом сломать меч.

Тиберий усмехнулся.

— Дай мне свой меч. И я покажу тебе, что такое мой голос.

Это был момент, который позже войдёт в легенды. Котян вынул саблю из ножен и протянул её Тиберию рукоятью вперёд. Его телохранители напряглись. Солдаты Тиберия, наблюдавшие издали, затаили дыхание.

Тиберий взял саблю. Осмотрел её. Клинок был хорош — булатная сталь, привезённая с юга. Он положил саблю на землю между собой и ханом.

— Мой голос не ломает мечи, — сказал он. — Мой голос говорит правду. И правда в том, что если ты нападёшь на нас, ты победишь. Но ты потеряешь людей. А когда ты ослабнешь, твои враги придут и убьют твоих детей. Если же ты заключишь со мной мир, мы вместе будем сильнее любого врага. Я не угрожаю тебе. Я предлагаю тебе будущее.

Он поднял саблю и вернул её хану — так же, рукоятью вперёд.

Котян взял оружие. Долго смотрел на него. Потом рассмеялся — низким, гортанным смехом, в котором не было злобы.

— Ты сумасшедший, римлянин. Или очень умный. Я ещё не решил, что лучше. — Он вложил саблю в ножны. — Будет по-твоему. Я не трону твой посёлок. И я подумаю о союзе.

Он повернулся и пошёл к своему коню. Но уходя, бросил через плечо:

— Я пришлю к тебе своих кузнецов. Покажи им, как вы делаете ваше железо.

В этот день не было битвы. Не было убитых. Но именно в этот день Тартария одержала свою первую дипломатическую победу — не мечом, а словом. Позже летописцы назовут это событие «Битвой Шёпотом», потому что исход её решили не клинки, а голос. Единственный, тихий, спокойный голос человека, который знал, когда говорить, а когда молчать.

Книга II. Изгнанник

Глава 4. Плавильный котёл

Весть о римлянине, говорившем с кипчакским ханом на равных, разнеслась по степи быстрее, чем степной пожар. Её передавали гонцы, купцы, охотники, бродячие шаманы. Обрасстая подробностями, история превращалась в легенду. Говорили, что у странного пришельца с запада железный голос, что он может смотреть на солнце не мигая, что его меч поёт песни, а его люди рубят дома из живого камня. Тиберий, слыша эти байки, только качал головой, но не мешал им распространяться. Он уже понимал: в степи репутация стоит целой армии.

Первые гости пришли осенью. Это были не послы и не купцы — это были изгои. Молодой остяк, изгнанный из своего рода за нарушение табу. Двое печенегов-перебежчиков, уставших от бесконечных войн с русами. Беглый раб-славянин, который переплыл Иртыш на бревне, спасаясь от хозяина-степняка. Они приходили по одному, по двое, оборванные, голодные, испуганные. Они не говорили по-гречески. Они вообще плохо понимали друг друга. Но они знали одно: здесь, на высоком мысу у слияния двух рек, им дадут кров и пищу, если они согласятся работать.

Тиберий принимал всех. Его принцип был прост: «Земли много, людей мало. Каждый, кто готов строить, — гражданин». Это слово — «гражданин» — было взято из римского права, но здесь оно обретало новый смысл. Гражданином Тартарии мог стать кто угодно: остяк, печенег, славянин, грек, кипчак. Важна была не кровь, а верность.

К концу второго года поселение насчитывало уже около сотни душ. Пёстрое, разношёрстное, разноязыкое — но уже спаянное общим трудом и общей верой в то, что из этого хаоса рождается нечто великое.

Самым сложным был не голод и не холод. Самым сложным было взаимопонимание.

Представьте себе людей, которые говорят на шести разных языках, молятся трём разным богам (или не молятся вообще), имеют разные понятия о собственности, времени и законе. Печенег считал нормой угнать чужой скот, если тот плохо охраняется. Славянин требовал за это смертной казни. Грек предлагал изгнать виновного в степь. Остяк просто не понимал, из-за чего весь шум: «Зверь бежит — кто поймал, того и зверь. Разве скот не зверь?»

Тиберий стал судьёй. Каждый вечер, после работы, он садился на пенёк у центрального костра и разбирал споры. Сначала — с помощью жестов и немногих известных ему слов. Потом — с помощью толмача, молодого грека по имени Косма, который обладал удивительным даром схватывать языки на лету. К концу года Косма уже мог кое-как объясняться на четырёх наречиях.

Решения Тиберий принимал не по писаному закону — законов ещё не было. Он судил по справедливости. Или, вернее, по тому, что он считал справедливостью. Угонщику скота он приказал вернуть украденное и отработать месяц на строительстве частокола. «Ты не раб, — сказал он печенегу. — Ты провинился. Работа исправит вину». Печенег подчинился — не из страха, а из уважения. Тиберий говорил с ним так, как говорят с равным, а не как с преступником.

Эти вечерние суды стали легендой. Позже, когда Тартария вырастет в империю, её летописцы будут утверждать, что основа тартарского права была заложена именно здесь — у костра, на пне, под звёздным сибирским небом.

Тем временем прибыли кузнецы, обещанные ханом Котьяном. Их было трое: старый мастер по имени Тимур и два его сына. Они привезли с собой меха, наковальню и несколько кусков булатной стали. Тиберий выделил им лучший участок у реки и приказал построить кузницу. Через месяц из этой кузницы вышел первый меч, выкованный на тартарской земле.

Это был не римский гладиус и не степная сабля, а нечто среднее — клинок, вобравший в себя черты обоих миров. Тиберий лично испытал его на прочность и остался доволен.

— Хорошая сталь, — сказал он Тимуру. — Но нам нужно много такой. Очень много.

К концу третьего года поселение на Тоболе насчитывало уже почти двести человек и имело собственное имя. Местные остяки называли это место «Сул-Тура» — Город на Стрелке, потому что он стоял у слияния двух рек. Греки переименовали название в «Султура», а затем оно естественно превратилось в «Тобольск» — по имени реки, на которой стоял город.

Тиберий не возражал. Он знал, что города растут не из камня, а из имён. Из памяти. Из чувства, что это место — твоё, даже если ты пришёл сюда вчера.

Весной следующего года к городу подошёл караван — первый торговый караван, прибывший с юга. Его привели бухарские купцы, прослышавшие о новом поселении на северном торговом пути. Они привезли шёлк, пряности и бумагу. В обмен получили меха, железо и обещание, что отныне все караваны, идущие по этому пути, будут платить пошлину.

Тиберий лично встретил купцов и сам провёл переговоры. Он был безупречно вежлив, но твёрд. Десятая часть товара — за проход. Бухарцы попытались торговаться, предлагали пятнадцатую долю, двадцатую. Тиберий стоял на своём. Когда самый настойчивый из купцов спросил, почему он должен платить чужаку, который даже не хан, Тиберий ответил:

— Я не хан. Я — основатель. Хан владеет степью. Я владею рекой. Через эту реку идёт твой путь. Ты можешь не платить — и обходить стороной. Но тогда ты будешь ночевать в степи, где тебя ограбят печенеги или люди Котьяна, которым я за проход плачу. Ты потеряешь больше.

Купцы заплатили. Так Тартария получила первый доход от транзитной торговли — того, что через триста лет при Цефурсе II станет главным источником её богатства.

Но самым неожиданным событием пятого года стало появление женщины.

Тиберий не искал жены. Он был слишком занят. Он считал, что основатель не имеет права на личное счастье, пока его дело не завершено. Но судьба решила иначе.

Её звали Айгуль. Она была дочерью одного из кипчакских беков, союзных Котьяну. Её привезли в Тобольск вместе с очередным торговым караваном — не как невесту, а как беглянку. Она сбежала от навязанного брака со старым ханом и искала защиты у странного римлянина, о котором говорили, что он не выдаёт женщин насильно.

Тиберий принял её. Он не знал, что с ней делать. Она была молода, красива, с тёмными глазами и гордой осанкой, и она отказывалась быть просто гостьей. Она хотела быть полезной. Она знала языки степи. Она умела считать. Она разбиралась в лошадях лучше многих ветеранов.

Через год они поженились.

Это был первый династический брак Тартарии — союз римского патриция и кипчакской княжны. Союз, который скрепил мир между Лесом и Степью не на словах, а на деле. Их дети — а у них родилось трое сыновей — стали первыми тартарами по крови: потомками римлян и степняков, греков и кипчаков.

Книга III. Основатель

Глава 1. Имя

Десять лет минуло с того дня, как Тиберий Септим положил меч на землю и сказал: «Здесь». Десять зим, десять вёсен, десять урожаев, собранных с тощих ещё полей, отвоёван-

ных у тайги. За это время из горстки изб вырос город. Не великий, не сравнимый с Константинополем — но настоящий. С деревянными стенами на земляном валу, с пристанью на Иртыше, с кузницами, амбарами, казармами и церковью, которая теперь уже не напоминала простой сруб, а сияла резным иконостасом, привезённым бухарскими купцами в обмен на меха.

Население перевалило за тысячу. Здесь жили греки и остяки, славяне и кипчаки, болгары и печенеги, беглые русские холопы и искатели приключений из далёкой Скандинавии. Они говорили на дюжине языков, молились разным богам, носили разную одежду. Но у них был один правитель. Один закон. Один город.

И этот правитель больше не был Тиберием.

Перемена произошла постепенно, незаметно для него самого. Сначала местные, не умевшие выговорить «Тиберий», стали звать его «Тай-бир» — на их наречии это звучало как «Большой Человек» или «Главный среди равных». Потом славяне, пришедшие с запада, переименовали это в «Тайбер». Потом и греки, и кипчаки, и болгары подхватили это имя, потому что оно было проще, короче и звучало одинаково понятно для всех.

Однажды Айгуль, сидя с мужем у очага в их доме — не дворце, а всё ещё простом срубе, только побольше остальных, — сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.